

Кобенко Ю. В.

ЯЗЫК И СРЕДА: ПЕРСПЕКТИВЫ СРЕДОВОГО ПОДХОДА В ЛИНГВИСТИКЕ

В статье раскрывается взаимосвязь языка и среды обитания *homo* в условиях искусственного отбора; исследуются факторы, определяющие данную взаимосвязь; выделяются преимущества средового подхода и предлагаются сферы его потенциальной имплементации в лингвистических исследованиях. Важнейшей предпосылкой средовой обусловленности природы языка выступает познание о том, что вне среды обитания особи *homo* легко обходятся без человеческого языка, который понимается как искусственный продукт культурной деятельности человека внутри среды. Передача языка в следующее поколение осуществляется внегеномным способом – через среду, преимущественно посредством ритуализированных бытовых практик. Язык является «разовым» и социально детерминированным продуктом человечества, существование которого вне среды обитания *homo* или при наличии одной особи невозможно. Развитие языковой ризомы осуществляется нелинейно, асимметрично и ацентрично.

Ключевые слова: *человеческий язык, речь, говорение, homo loquens, изучение языка, среда, средовой подход.*

Введение

Вся история лингвистических учений изобилует подходами к описанию языковых явлений и процессов преимущественно интралингвистического характера. Убежденность множества исследователей в том, что ответы на вопросы «как функционирует язык?», «как он устроен?» и «как он возник?» кроются внутри языка или внутри головы его «носителя», привела, с одной стороны, к атомизации языковой рефлексии, доходящей зачастую до выделения структурных крипто- или архисистем психологического толка или мистификации природы языка («в начале было слово»), и к появлению тупиковых направлений исследований и подходов (когнитивного, фреймового, кодового и пр.), с другой стороны. Следует, тем не менее, подчеркнуть, что при всей априорной зауженности предмета изучения структурно-функциональный подход продемонстрировал наибольшую научность и академическую строгость, во многом опосредовав ту знаниевую «подложку», которая имеется сегодня в арсенале лингвоантропологии и социолингвистики – направлений, образующих фундамент лингвистики будущего.

Проблемное содержание

Поиски ответов на загадки устройства и функционирования языка объясняются главным образом недооценкой либо незнанием следующей фактологии.

1. Язык не является частью человека в буквальном понимании как, к примеру, голова.
2. Язык не может быть достоянием каждого человека или только человека.
3. Язык есть во многом продукт коллективного бессознательного.
4. Язык невозможно «выучить».
5. Носители языка «носят» в себе не «механизм порождения речи», а отпечаток среды.

1. Язык не «существует» в голове носителя или совокупности голов языкового коллектива, а является особым средством, используемым языковым коллективом в целом и носителем в частности в рамках некоей исторической традиции преимущественно для двух целей: во-первых, номинации явлений, объектов и процессов и, во-вторых, осуществления социального взаимодействия с другими представителями среды. Существование языка вне головы человека

и вне самого человека вообще доказывается на примерах многочисленных случаев *homo ferus* (мауглеоидов), наглядно демонстрирующих, что практика исключения человека из социальной среды в превербальном периоде оборачивается для него полным незнанием и непониманием самых базовых основ грамматики и приводит к неспособности коммуницировать с представителями своего вида. Примечательно, что и геном человека не записывает никакой информации о языке. Ген *foxp2*, кодирующий белок на седьмой хромосоме и ошибочно считавшийся учёными ответственным за процесс усвоения языка, контролирует среди прочих функций только движения губ, отвечая тем самым лишь за физическую составляющую речи (Enard, 2002: 870). То есть, с точки зрения эволюции, язык – «разовое» явление, которое осваивается всякий раз заново, но, очевидно, для самой эволюции вида *homo* не является сколько-нибудь значимым. К тому же у современного человека абсолютно отсутствуют специальные органы, имеющие исключительно лингвистическую спецификацию: ни язык (*lingua*), ни губы (*labia*), ни малый язычок (*uvula*), ни другие органы ротовой и гортанной полостей, участвующие в артикуляции, не предназначены первоначально для речевой «симфонии» (учитывая к тому же всю скудность звуковой палитры языка *homo*, т.е. приблизительно 90 звуков во всех языках, в сравнении с многообразием звуков окружающего мира), а отвечают за вполне простые физиологические функции, как и у представителей других видов. Само говорение, осуществляемое в подавляющем большинстве случаев на выдохе (лишь в определённых нерегулярных практиках отдельных народностей наблюдается редкое инспираторное говорение, обусловленное, как правило, эмоционально и ситуативно), представляет колоссальную нагрузку на дыхательную систему, что вновь обнаруживает некую «конфликтность» физиологической природы человека с необходимостью говорения. Наличие в мозгу человека зон Broca (левая лобная извилина) и Wernicke (задняя треть верхней височной извилины), существующих латерально (симметрично) в качестве панданов нейроанатомического автоматизма «генерация vs. понимания речи», является ничем иным, как «продолжением» древнейших структур головного мозга млекопитающих, имеющих возраст, согласно данным Д. Феррье, около 15–30 миллионов лет (Ferrier, 1986: 257). Небезызвестно, что данные зоны присутствуют, в том числе, у обезьян и собак, хотя и имеют у последних несколько другую видовую спецификацию. Приведённые факты недвусмысленно свидетельствуют о том, что механизмы речи, равно как и мышления («внутренней речи»), «запускаются» у представителей *homo* извне, т.е. экстралингвистически, и не могут рассматриваться вне контекста социализации, причём сама социальная среда выступает своего рода катализатором тех процессов грамматикализации и коммуникации, которые лингвисты и антропологи привыкли считать исключительно достоянием человека. Как указывает А. Г. Невзоров, «в своей обычной среде обитания, в этом «дополнительном мире», вновь рождённый младенец требует многолетних усилий для обучения самым элементарным знаниям и умениям (в том числе речевым. – Ю.К.), что, по сути, является обучением пользованию коллективным интеллектом» (Невзоров, 2012: 198). Коллективный интеллект – кумулятивный продукт социальной и во многом бессознательной деятельности человека, это определённый градиент адаптации к среде обитания *homo*, следствие безраздельного властвования искусственного отбора как некоего внутривидового общественного договора, основанного «на предпочтении в особях человеческого вида поведенческого биологическому с целью наследуемости полезных внутривидовых признаков» (Савельев, 2014: 79). Коллективно и во многом бессознательно созданная и поддерживаемая социальная среда (обитания *homo*) включает, помимо прочего, традицию овладения знаковой системой – языком, являющимся её особым атрибутом и ингредиентом, и выступающим средством овладения индивидуально значимым «прожиточным минимумом» знаний о мире, а также – в случае лингвистов и филологов – специальным ремеслом, имеющим ценность только внутри человеческой среды.

2. Язык не является достоянием каждого человека и только человека. Проверить данный факт можно, оценив, насколько отдельный человек за всю сознательную жизнь, в течение ко-

торой он пользуется языком, значим для созидания его богатства (в особенности литературного языка). Безусловно, оставляют след в нём отнюдь немногие, но и даже в случае весьма ярких образцов красноречия, достойных увековечивания в лексическом составе, нет никакой гарантии, что последующие поколения не предпочтут образному тропу, порождённому гениальным лингвистом или писателем, скудный, но компактный арготизм. Конечно, с возрастом среды язык усложняется, а популяция увеличивается, и на ранних этапах степень участия отдельного пользователя была значительно выше. Однако на примере исчезающих языков мы можем наблюдать, как единственные оставшиеся в живых говорящие ничего не могут поделаться с вымиранием языковой формы, как бы сильно они её ни культивировали и ревитализировали. Речь идёт о тех случаях языковой смерти, когда язык умирает с последним говорящим, т.е. физической смерти языка (в противопоставление процессам смерти языка при живущих и здравствующих пользователях, но по разным причинам отказывающихся говорить на определённом языке). Следовательно, совершенно неправомерно говорить о языке как о достоянии каждого, пользующегося им. Термин «пользование» предельно точно передаёт характер отношений между говорящим и самим языком. Так как бытность человека в определённой среде всегда ограничена временными рамками, наше участие в жизни среды целесообразно было бы обозначить именно данным термином (см. также пункт 5). Пользование языком в мире информационных технологий можно сравнить с использованием смартфона, область приёма которого имеет протяжённость зоны покрытия (коммуникативную мощность идиома), индивидуальный набор контактов (социолект), собственный профиль (идиоглоссарий), сигнал (звучание) и форму (морфологический строй). Но при отсутствии среды, т.е. зоны покрытия, надобность в пользовании телефоном отпадает. Итак, язык является достоянием не человека, а среды, в которой он распространён.

Помимо этого, неверно рассматривать язык как продукт человека для человека. Во-первых, мы не знаем, какое будущее ждёт человеческий язык (как порождение искусственного отбора без учёта территориальной, стилистической и пр. расслоенности как диалектической дисперсии языка). Ведь уже сегодня компьютеры переводят, создают словари и тезаурусы, распознают и генерируют иноязычную речь куда успешней подавляющего большинства говорящих. Однако никому из ныне живущих и в голову не может прийти считать человеческий язык целевым продуктом для компьютера. Во-вторых, любое достижение эволюции, пусть даже с узкоспециальным функциональным набором, имеет такой запас реактивной мощности, который позволяет изменять его сообразно постоянно трансформирующимся условиям среды. Именно поэтому порождение человеческого языка было единовременным, а освоение его является многократным событием (для каждого члена среды и для каждого языка в отдельности, а уж кто является членом данной среды, определяет единственно искусственный отбор), причём в каждой отдельной голове храниться собственная идиолектная копия языка среды. Сложность изучения языков, – как родных, так и иностранных, – доказывает, что язык отнюдь не создавался с учётом оглушения последующих поколений и с заботой об исправно функционирующем идиоме в социальном пространстве: здесь язык можно сравнить с доставшимся от прадеда старомодным камзолом, который каждое новое поколение будет перекраивать по своему усмотрению, обменяет его на более престижный наряд или выкинет совсем. Только отличие языка состоит в том, что с ним это происходит неосознанно: языковые изменения любого уровня (от грамматических до лингвополитических) лучше всего распознаются в лингвистической ретроспективе, когда уже трансформация завершена и явление А превратилось в явление В. В-третьих, достоверно известно, что карликовые шимпанзе бонобо (на примере самца Канзи, задействованного в ряде лингвистических экспериментов (Зорина, Смирнова, 2006)) в состоянии понимать человеческую речь и общаться с людьми при помощи лексиграмм. Понимание собаками команд (нем.: *fass! halt!*; рус.: *лапу! фу!*) тоже компенсирует слаборазвитый неокортекс. Лошади умеют складывать латинские буквы в слова в результате обучению чтению. Попугаи жако, знаменитые своей чрезвычайной способностью имитации человеческой

речи, значительно превосходят в данном качестве самих *homo* в превербальном периоде, хотя сами *homo* не считают попугаев членами собственной среды обитания. Это значит, что мы не вправе отказывать эволюционному эксперименту по обучению данных видов человеческой речи на протяжении более 2,5 миллионов лет искусственного отбора (Зубов, 2010: 3) в успешности, только лишь по причине того, что он не имеет исторических прецедентов. Вполне возможно, что при равных условиях бонобо достигли бы больших высот в освоении языка Шекспира, чем выходцы из социально благополучных семей юга Европы. То, чего не достаёт бонобо, – не некий морфологический субстрат мозга, отвечающий за язык, который, следует отметить, также отсутствует и у самого человека, а устойчивая, искусственно созданная среда на протяжении необходимого для значительных изменений в социальном поведении периода времени, где бонобо могли бы быть подобно человеку возвращающимися и возвращаемыми одновременно. Но могли бы мы после этого считать язык достоянием бонобо или нового вида, в который бы они трансформировались? Правильный ответ: не бонобо, а эволюции.

Можно возразить, что человеческий язык создавался архантропами для себе подобных, что, в общем, не будет лишено здравого смысла. Однако произошедшие с тех пор разительные внутривидовые изменения вряд ли бы обрадовали самих архантропов, увидь они, кто пользуется их «копирайтом» и как звучит сам современный язык. Могли ли архантропы в раннем палеолите знать, кто унаследует их творение и что сам язык будет на миллионы лет далёк от той формы, которую они изобрели? Проясняет картину то обстоятельство, что одной из причин развития речи могло быть желание самцов гоминид соблазнить самку с целью обзаведения потомством (Савельев, 2012). Вряд ли и сегодня можно игнорировать данную прагматическую функцию существования языка, несмотря на значительные достижения в литературном творчестве и навязчивое выделение рядом лингвистов эстетической функции языка. Однако данные практики ставят речь архантропов в разряд с позывными, используемыми в животном мире самцами разных видов в период спаривания. Безусловно, закреплять за такими речевыми «рудиментами» телеологическую рамку «язык человека / язык для человека» не совсем корректно, учитывая, какой «человек» стоял у истоков лингвогенеза.

Заслуживает внимание и познание того, что речь – и первобытных, и современных особей *homo* – «попадает» в голову ребёнка в сильно фрагментированном виде в условиях полного отсутствия словарей и грамматик (языковой системы) и требует изрядного количества времени для порождения первых высказываний, т.е. формирования пригодных к базовой коммуникации системных взаимосвязей в сознании младенца, даже при активно функционирующем во внешней среде изучаемом идиоме. Передача знаний о мире через язык связана, прежде всего, с необходимостью обучения потомства, но создавали ли язык древние люди пригодным для усвоения самыми маленькими, понимали ли важность взаимосвязи обучения языку и владения им? Напрашивается вывод, что ни о какой цели передачи неразвитой системы последующим поколениям и речи быть не могло, ведь сам язык не представлял собой никакой «духовной» ценности и осваивался ребёнком добавочно как некий ритуализированный атрибут быта, к примеру, пение или пожимание руки гостю, по принципу «все говорят, и я говорю». Феномен мауглеоидов наглядно демонстрирует, что вне среды *homo* великолепно обходится и без человеческого языка, который никак не влияет на стратегию выживания нашего вида вне среды. И, наоборот, те высокоразвитые формы языка, которыми сегодня может похвастаться лингвистическая география, для большинства архантропов были бы смертельны в прямом значении слова: они вынуждены были бы потратить всю свою жизнь, т.е. те 25–30 лет максимальной её продолжительности, на одно только освоение литературного языка, отчего в результате умерли бы от голода или стали бы добычей звероящеров. Эволюция в то время не могла позволить себе иметь такое затратное по времени средство взаимодействия, поэтому языку первобытной среды не суждено было развиваться далее простейшей акустической системы позывных-реакций. Именно поэтому основой лингвогенеза можно считать лишь среду, по мере

усложнения которой совершенствовался и язык, подчиняемый человеческим коллективом решению всё новых и новых задач, и сам человек.

Итак, всё, что сегодня представляется более-менее верифицируемым, можно компримировать до тезиса «язык был изобретён и опробован архантропом», причём под последним следует понимать не иначе как коллективного (подражательного) субъекта, а не отдельных особенно одарённых особей, так как для говорящего, или производящего речь, всегда должен быть слушающий (реципиент) и реагирующий. Таким образом, лингвогенез можно считать всецело искусственным событием. Язык, бесспорно, создавался для решения определённых задач (первоначально анималистических, а уже потом номинативных и коммуникативных), однако утверждение, что его производство в точке диахронии 0 подчинено цели в точке диахронии X, неопределённо удалённой от точки 0, представляется даже чисто стохастически ложным. Сложно также согласиться с доводом, что палеоантропы создавали речь, отягощая собственные дыхательные процессы и рискуя подавиться пищей, для гипотетического говорящего субъекта в неизвестном отрезке мировой истории. Данный вывод потребуется для понимания последующего факта ризоморфности (ризоматичности) развития языка.

3. Язык является во многом продуктом коллективного бессознательного, т.е. «феноменом третьего вида», под которым Р. Келлер понимает продукт лингвогенеза, являющийся ни естественным, ни искусственным образованием, а развивающимся по принципу «невидимой руки», т.е. фактически «как получилось» (Келлер, 1997: 271). В качестве примера можно привести закрытую деривационную группу имён существительных среднего и женского родов в немецком языке, образованных при помощи непродуктивного суффикса «-nis»: ни симптоматическое (частотное), ни количественное, ни семантическое сопоставление данных существительных с учётом использования их в различных диатопах (ФРГ, Австрия, Швейцария) не позволяет выявить какую бы то ни было зависимость деривации от особенностей грамматического рода, ср.: *das Bekenntnis*, но: *die Kenntnis*, *die Erkenntnis* и т.д. Единственное разумное объяснение данному явлению видится в отсутствии в диахронии единого центра инноваций и унифицированных способов их распространения в коммуникативных средах, или, как пишет Н. Н. Семенюк, в «неравномерности процессов нормирования, характерных для истории немецкого языка» (Семенюк, 1996: 40–44), что подтверждается остаточным колебанием категории рода у отдельных имён существительных данной группы, например: *die / das Beschweris*, *die / das Versäumnis*. Усугубляет ситуацию последующая семантическая дифференциация данных вариантов по родовому признаку как следствие действия прототипических аналогий, ср.: *die Erkenntnis (die Einsicht)* vs. *das Erkenntnis (das Gerichtsurteil)* [Duden]. Последние можно считать единственно заслуживающим внимания объяснением, абстрагируясь до контактологического ракурса: распространение латинского суффикса женского рода *-is (die Krisis, die Praxis)* могло стать причиной наивного совмещения родового признака у латинских заимствований и автохтонных слов с суффиксом *-nis*, однако доказать это лабораторно сегодня весьма затруднительно. Следовательно, человеческий язык нельзя запрограммировать, уложив в некую канву исторического развития, управляемого человеком. Если вектор развития и существует, – к примеру, бодуэновский (Мельников, 2003: 316), – то его установление возможно лишь в ретроспективе и исключительно в сопоставлении с предыдущими формациями, т.е. в типологическом ключе. Именно благодаря данному обстоятельству любые меры по языковому планированию заведомо обречены, особенно если они предусмотрены для обширных коммуникативных сред с несколькими идиомами в качестве компонентов языковой ситуации.

Постулаты Р. Келлера перекликаются с положениями теории ризомы Ж. Делёза и Ф. Гваттари, согласно которой развитие семиотических систем осуществляется по принципу «корневища» (фр. *rhizome*) и характеризуется нелинейностью, ацентризмом и асимметрией (Deleuze, Guattari, 1977: 60). Принцип такого развития применительно к языку можно сжато сформулировать как отсутствие цели, вектора и центра языкового развития. Ризому развития

языка рисует стихия среды, что наиболее явственно прослеживается в таком социолингвистическом феномене, как коммуникативный сдвиг (см. об этом: Вахтин, 2001: 11–16). К примеру, появление в социуме привлекательной модели жизни по инокультурному образцу может привести к неконтролируемому (инвазивному) заимствованию иностранных слов, при этом пользователи в большинстве случаев не будут отдавать себе отчёт в том, чем языковые новации отличаются от привычных обозначений, ср. в современном немецком языке автоматизм *die Fahrkarte* (автохтонное обозначение) = *das Ticket* (англоязычное заимствование). Таким образом, язык с его формами, многообразными и разветвлёнными структурами и вариантами представляется продуктом коллективной и неосознанной (в юнговской традиции – бессознательной) деятельности человека внутри различных сред, что исчерпывающе объясняет существование в языках бесконечного количества лексико-грамматических исключений, взаимоисключающих или избыточных грамматических категорий, типологических различий и т.п.

4. Язык невозможно выучить. Сочетание «выучить язык» является целиком обывательским. Лингвисты его практически не используют в своей среде по следующей причине. Всё, что удаётся сделать человеку в жизни, это освоить индивидуально значимый «прожиточный минимум» языка, распространённого в той или иной среде. Для филологов существуют свои стандарты, для рядовых пользователей (например, учащихся или гастарбайтеров) – свои. Саму форму или страту в сознании говорящего (в особенности при владении несколькими языками) в диахронической перспективе целесообразно обозначить как историолект, т.е. некий стандарт выражения, принятый на определённой стадии существования *La* в конкретной точке диахронии; в социальной перспективе – социолект; в территориальной – диалект; в рамках дихотомии «говорящий коллектив vs. индивид» – идиолект. Выучить такой язык, как немецкий, насчитывающий в своём корпусе синхронно около двух миллионов слов, учитывая различные его территориальные и функциональные разновидности, в течение жизни рядовому пользователю представляется невозможным. Даже выдающиеся германисты едва ли владеют запасом, превосходящим 0,1 данного фонда.

Изменения в изучаемом иностранном языке сложно предугадать. Их можно лишь отследить, находясь в среде его распространения – так называемом «базовом континууме». Как известно, наиболее подвижным для эволюции элементом языкового знака выступает содержание. Специалисты подтвердят: сколько бы Вы не учили иностранный язык, Вам никогда не угадать, какой лексической единице в определённом контексте будет отдано предпочтение в базовом континууме (или в одной из сред у таких ацентричных идиомов, как, к примеру, английский) и какой элемент конкретного синонимического ряда будет объявлен наиболее адекватным контексту, ср. использование немецкого глагола *«argwöhnen»* (подозревать) со стилистической пометой *«gehoben»* (высокий) из ряда синонимов с нейтральным стилистическим номиналом *«befürchten»*, *«verdächtigen»*, *«vermuten»*, *«mutmaßen»* в следующем контексте в рамках немецкой функционально-стилистической разновидности «язык прессы и публицистики», характеризующейся традиционной приуроченностью к нейтральному пласту лексики: *«Die Polizei argwöhnt, dass „im Hintergrund Politik gemacht werde“, und stellt fest: „Aber bitte nicht auf unserem Rücken“»* (DWN). Безусловно, находящиеся в среде распространения говорящие владеют языком на более высоком уровне и оказываются тем самым в более выгодном положении, нежели изучающие его за пределами базового континуума, (что обеспечивает первым статус редакторов и корректоров за рубежом), однако зачастую и они не в состоянии воздействовать на узус, порождаемый коллективным бессознательным, ср. бессилие говорящих на L1 перед «звОнишь» и «что касаемо» в русском языке или перед *«bräuchte»* и *«des Autoren»* в немецком языке. Почему пользователи в базовом континууме не забывают язык? Потому что они ежедневно напоминают друг другу о значимых для них словах, которые, так сказать, у них «на слуху», т.е. постоянно используются в процессе коммуникации. Если это можно повторить в других средах, например, в «дочернем континууме», то язык не забудется и там. К примеру, немецкий язык в АССРПН имел такую коммуникативную мощь, что *«Deutscher*

Staatsverlag» в г. Энгельс массово издавал труды на немецком языке, в том числе переводы русских классиков (ср. «*Der Gefangene im Kaukasus*» А. С. Пушкина в переводе А. Ашарина 1938 г.). И наоборот: те единицы, которые у говорящих не «на слуху», забываются так же быстро, как и в любом другом континууме. То есть, говоря о среде, мы говорим, прежде всего, об уникальных условиях существования языка в рамках некоего коллективного договора пользования им. Локальные среды вырабатывают собственные правила и нормы, характерные для локально говорящего коллектива, с учётом географических, социальных, исторических, политических и пр. условий его существования, развития и деятельности.

Итак, узус создаёт среда, конкретнее – коллективное бессознательное. Литературные нормы – случай двойной искусственной селекции – бессознательной и позднее осмысленной, так как их выбирают из имеющегося многообразия способов и средств выражения (признак обработанности и селективности литературного языка (Филичева, 1992: 18)) и в редких случаях создают новые усилиями выдающихся филологов, ср. введение буквы «ё» Н. М. Карамзиным.

5. Носители языка «носят» в себе не «механизм порождения речи», а отпечаток среды. Даже если язык является выученным, отпечаток будет мозаично представлять элементы среды или сред, в которой / которых распространены те или иные языковые средства. Человек, сменивший в 20 лет коммуникативную среду, к примеру, русско- на англоязычную, остаётся на уровне владения русским языком в момент оставления среды, в то время как другие двадцатилетние, оставшиеся в прежней среде, продолжают совершенствовать своё владение. Количественное совершенствование будет фактически предполагать регистрацию изменений языковых норм и их последующее использование при речепорождении. Под качественным совершенствованием следует понимать освоение по мере личностного роста новых лексико-семантических полей, профессиональных тезаурусов, функционально-стилистических разновидностей (языка науки), что уже едва ли доступно сменившему среду. Закономерен вопрос: можно ли считать такого человека носителем? И если да, то в какой степени? Логичнее было бы считать человека пользователем языка до определённого момента времени, ведь отрыв от коммуникативного континуума сказывается не только на знаниях языка, но и на знаниях культуры, социальных, политических и других особенностей среды. Отпечаток среды в сознании человека состоит не только и не столько из языковой информации, сколько из накопленного опыта (языкового, культурного, социального, технического и пр.), однако данный опыт никоим образом не сегментирован в сознании человека на языковую и другие составляющие. Напротив, он образует полидименсиональные энграммы, полученные в результате сенсорной (зрительной, звуковой, ольфакторной, тактильной и пр.) афференции окружающей действительности. Ведь зачастую говорящие не в состоянии отделить лексическую единицу от ситуации её использования и эмоций, сопровождающих данное коммуникативное событие. Однако употребление сочетания «носитель социума» вызвало бы у учёных, как минимум, удивление. Так вправе ли мы говорить о «носителях»?

Главный недостаток теории речепорождения коллективного Хомского заключается в том, что ответ на вопрос «каким образом говорящий может породить бесконечное количество грамматически правильных предложений?» ищется внутри черепной коробки говорящего, а не в социальной среде. Если говорящего на L_a вывести в другую среду и подвергнуть воздействию наиболее коммуникативно мощным L_b , то способность породить бесконечное (sic!) количество грамматически правильных предложений на L_a будет неизменно утрачена. Таким образом, языковые познания говорящего, его *langue*, представляются некоей виртуальной копией среды, в которой данный язык использовался говорящим, а их информационный объём равен объёму языковой информации, полученной говорящим в течение жизни в конкретной среде.

Коронный постулат генеративистов, что «для существования языка необходимо, как минимум, двое говорящих», опровергает саму теорию речепорождения. Ведь если механизм речи

исправен, то почему сам язык не может себя сохранить с одним говорящим? Напрашивается неутешительный вывод о том, что поиски велись в заведомо ложном направлении. Минимум двое говорящих необходимы для сохранения не языка, а среды, в которой язык ещё сможет существовать, в то время как один человек сможет говорить, но воспроизвести среду не сможет. Необходимо также заметить, что минимальное количество говорящих для сохранения языка должно быть не двое, а мужчина и женщина репродуктивного возраста, иначе сохранить язык всё равно не удастся. Абсолютно утопичным вариантом развития событий можно было бы считать ситуацию с двумя оставшимися на Земле роботами, использующими человеческий язык, что не только снабдило бы рассуждения в пункте 2 неоспоримыми аргументами, но открыло бы новые перспективы лингвистических изысканий. Безусловно, перед лингвистами может стоять задача сохранить определённый язык, что является одним из направлений языковой политики, однако любые консервативные меры были бы подспудно направлены на сохранение «питательной среды» языка, а не его системы, которая может быть сохранена и в виде рукописи на книжной полке.

Перспективы средового подхода в лингвистике

Основополагающим для осмысления и имплементации средового подхода выступает познание первичности среды и вторичности номинационных процессов, характеризующих язык современного homo. Отправной постулат излагаемого подхода таков: язык не существует вне среды. Под самой средой в лингвистической её трактовке следует понимать совокупность разновесных, разнопорядковых, разновеликих условий существования, развития и деятельности говорящих индивидов и коллективов. Различия в анизотропии самих сред обуславливают в конечном итоге различия между языками (ср. «л» в русском, неслоговую «ł» в польском и вокализованную «ў» в белорусском языке) и даже между говорящими.

Насколько же перспективен средовой подход для решения задач науки о языке?

Можно утверждать безо всякого преувеличения, что его использование показано там, где исследователю необходимо отталкиваться от социального опыта говорящего индивида или коллектива для абстрактного моделирования сложных процессов внутри той анизотропной среды, в которой существует сам язык, т.е. в широчайшем диапазоне лингвистических дисциплин от а) лексической семантики до б) смежных областей исследований экстралингвистического характера на стыке социальной, контактной, ареальной, экологической и политической лингвистики.

А. Лексическая семантика (область интралингвистики).

Практикум по переводу со слушателями ежегодных курсов в Российско-немецком доме города Томска выявил, что понимание переводчиками предложения «ребёнок отбился от рук» (нем. *Das Kind geriet außer Rand und Band*) целиком зависит от их социального опыта: одни считали, что «ребёнка били, но он покончил с этим» <жертва – ребёнок>; другие были убеждены, что «ребёнок непослушный и не хочет подчиняться» <жертвы – окружающие>; третьи высказывали мнение, что «ребёнок просто подрос» <ребёнок перестал быть «ручным»>. Можно видеть, как содержание фразеологизма «отбиться от рук» (нем. *außer Rand und Band geraten*) варьирует в зависимости от индивидуального социального опыта, приобретённого переводчиками в различных средах, независимо от словарного значения самой единицы. Подобная эмпирия, возведённая в правило, может впоследствии вытеснять в текстах перевода словарную норму или успешно конкурировать с ней. Собственно, социальный опыт и выступает отправной точкой семантических изменений словарного состава (ведь содержание – эволюционно наиболее подвижная часть языкового знака), и, следовательно, одним из факторов разветвления языкового «корневища». В данном случае использование средового подхода может

быть направлено как на выявление идиолектного содержания фразеологической единицы, положим, для редактуры текстов оригинала и перевода (разница между которыми обусловлена, прежде всего, порождением их в различных средах), так и на прогнозирование потенциальных «слабых звеньев» в прецедентных текстах перевода, выполненных разными переводчиками.

Б. Социолингвистика (область экстралингвистики).

Индикациями применения средового подхода в данной области выступает необходимость комплексного описания языковых процессов внутри различных типов сред (диатопов). Среды, как и языки, существуют в диалектической множественности и подразделяются на более мелкие в соответствии с их коммуникативным радиусом, например, «язык семьи», «язык ближнего окружения», «язык населённого пункта» и т.д. Успешную реализацию средовой подход находит в труде В. А. Виноградова, А. И. Коваль, В. Я. Пархомовского «Социолингвистическая типология» (2008), посвящённом выделению коммуникативных сред в зоне африканской франкофонии на основании невозможности определить фактические границы распространения автохтонных идиомов путём идентификации их с политическими границами. Заслуживает внимания и работа А. И. Домашнева «Немецкий язык в его национальных вариантах» (1983), освещающая вопросы строения современного немецкого языка и выявления характера различительных черт немецкого литературного языка в странах его основного распространения с учётом особенностей его средовой (национальной, территориальной) реализации.

В качестве примера потенциальной имплементации описываемого подхода можно привести практику описания языковых ситуаций в местах поселения малочисленных коренных народов Сибири. Некоторые миноритарные тюркско-алтайские изоглоссы, например, телеутский, существуют сегодня преимущественно в дисперсных коммуникативных средах, что зримо затрудняет выделение диалектических признаков языковых ситуаций, в которых сами миноритарные идиомы выступают зачастую нерепрезентативными компонентами: русский как язык-макропосредник со статусом государственного и формой литературного языка прочно укоренился в быту телеутов и медленно отвоёвывает у них право на использование его как наиболее мощного коммуникативного средства – L1. По сути, русификация телеутов начинается не с лексических заимствований (последние видятся скорее симптомом данного процесса), а с изменением привычного уклада жизни под влиянием русской культуры, приобщения к атрибутам быта русскоязычного населения, заключения межэтнических браков, необходимости решения социально-экономических задач в современном мире, т.е. с качественного изменения среды обитания. Описывая эволюционно-хозяйственные особенности столкновения двух цивилизаций – «туземцев Сибири» и «экспансивного русского населения», выдающийся русский этнограф-востоковед В. В. Радлов отмечал: «Телеуты стараются подражать во всём русским, чтобы обрести хоть какую-то точку опоры. Особенно ясно это заметно в их языке. Даже говоря между собой, они употребляют как можно больше русских слов» (цит. по: Артюх, 2010: 167). Противостоять давлению языков-макропосредников с выраженным функционально-стилистическим расслоением лексического фонда (что тоже следует отнести к результатам влияния различных сред использования литературного языка) даже в наиболее крупных населённых пунктах поселения телеутов в Кемеровской области (см. об этом подробнее: Tokmashev, 2015: 63) представляется весьма затруднительным. Необходимо подчеркнуть, что при такой расстановке статусов и той глубокой типологической разнородности контактных идиомов (русский как «язык вертикали», т.е. роста, социального продвижения, развития, vs. телеутский как язык горизонтали, т.е. внутриэтнического общения (Heine, 1992: 23–25)) в пределах среды их распространения любые меры языковой политики, направленные на сохранения телеутского языка или его ревитализацию, будут заведомо неэффективны.

Следует отдать должное педагогике, где средовой подход давно и успешно используется для решения извечных задач научения (К. К. Платонов, В. П. Зинченко, И. А. Колесникова,

Ю. С. Манулов, Т. В. Менг и др.). Применительно к теории и методике преподавания иностранных языков, изначально лингвистической дисциплины, данный подход, по нашему убеждению, должен выступать фундаментом для моделирования любых процессов обучения. Так, освоение иностранного языка есть не что иное, как научение пользованию им. Отсутствие привычки использовать другую, незнакомую номинационную систему с её особенностями и причудливостями преодолевается наилучшим способом через искусственное моделирование «говорящей» среды. Ведь ребёнок в базовом континууме владеет языком лучше только потому, что ежедневно практикуется в его использовании, т.е. «погружён» в среду. Говорящий вне среды распространения языка пользуется им лучше остальных также благодаря лишь регулярным тренировкам (упражнениям), которые в конечном итоге определяют уровневую разницу, например, между А1 и С1. Специалисты в области иностранных языков борются с их забыванием через систематическое напоминание себе об особенностях изучаемых языковых систем эффективней окружающих, чем от них и отличаются.

Преподавание иностранного языка в школе и вузе – фактически обучение билингвизму (или трилингвизму, если в семье ребёнка уже используются два языка). Таким образом, билингвизм (трилингвизм и мультилингвизм) – есть попытка человека преодолеть границы собственного коммуникативного пространства, раздвинуть горизонты познания языкового многообразия человеческой среды и приспособиться к условиям постоянно изменяющегося окружающего мира.

Заключение

1. Язык следует понимать, как атрибут человеческой среды. Многие виды не изобрели язык в его современном понимании, потому что им это, скорее всего, не нужно, а не по причине отсталости, которой так любят бравировать прозелиты концепции «антропогенеза». Язык никак не влияет на стратегию выживания нашего вида вне среды, о чём свидетельствуют многочисленные известные случаи мауглеоидов. Умозрение, что способность говорить – есть признак человека, т.е. некой «особой разумности», как полагает товарищ Швондер в известном романе М. А. Булгакова, является заблуждением.

2. Язык – это своего рода традиция говорить, которая даже в самой среде обитания homo не является безусловной, учитывая то обстоятельство, что многие пользователи языком отдают предпочтение в меру говорящим или даже молчащим (*silentium videtur confessio* – «молчание – золото»). Следовательно, язык выступает никоим образом не как признак интеллекта, а скорее, как «средство заполнения пустот в пространстве, индикации жизни, самоцель» («*Die Sprache hat vielmehr die Aufgabe, die Leere auszufüllen, Leben anzuzeigen; sie ist häufig um ihrer selbst willen da*»), как отозвался о нём известный немецкий эссеист К. Тухольский (Tucholsky, 1989: 67).

3. Язык не существует в голове человека. В ней – лишь отражение тех процессов, в которые вовлечён человек, будучи единицей социума. Признак «говорение» в чистом виде наследуется и катализируется через саму социальную среду, воздействующую на homo loquens и побуждающую его к пользованию её историческим атрибутом – языком. Таким образом, термин «носитель языка» неудачный и уступает терминам «говорящий на Ln» и «пользователь Ln».

4. Неверно считать, что речь создавалась для человека с его современным набором конституирующих признаков. Вначале это были стихийно самозарождающиеся практики сигнального (побудительного) характера, служившие удовлетворению анималистических потребностей. Затем с развитием латеральности мозга, появлением автоматизма «внутренняя речь (мышление) = внешняя (анатомизированная, звучащая) речь» язык приобретает номинационный характер и передаётся во многом ритуализировано, т.е. через каноны быта homo. А сегодня язык благодаря укрупнению и исторической взаимообусловленности данных про-

цессов выступает одним из отличительных свойств человеческой среды и в частности той традиции понимания «человека», которая является продуктом синтеза составляющих гуманитарного социального опыта – идей, норм, правил, установок и ценностей, обретенных в среде обитания homo.

5. У языка нет цели и центра развития. Языковая ризома разветвляется асимметрично, ацентрично и нелинейно. Узус формируется стихийно, как и лингвистические новшества, ср. в немецком языке глагол «*kochen*», который используется сегодня в значении <готовить еду> при наличии полноправного глагола «*zubereiten*».

6. Языковое развитие социально детерминировано (ср.: Жирмунский, 1948: 296). Есть все основания полагать, что язык существует, пока функционирует среда. «Сворачивание» среды или её дисперсия, например, у миноритарных народностей, неумолимо ведут и к смерти языка, которая регистрируется лингвистами зачастую и при количестве пользователей в несколько тысяч, ср. немецкий язык российских немцев Томской области с актуальным составом (8 687 человек по данным переписи 2010 года (ИВПН)).

7. Язык, как жизнь или любая особь, является разовым продуктом человеческой среды, повторить который исторически невозможно. Конечная стадия трансформации языковой материи неизвестна сегодняшнему homo так же, как и архантропу, что исключает возможность креационистской интерпретации языковой природы. Любая угроза среде обитания человека с освоенными им элементами привычного окружения в виде, например, техногенной катастрофы, выступает одновременно угрозой и человеческому языку как некой гуманитарной традиции аккумуляции и отражения человеческого опыта.

Список литературы

- Артюх Е. А. Алтайский период в научной деятельности В. В. Радлова. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2010. – 295 с.
- Вахтин Н. Б. Условия языкового сдвига // Вестник молодых ученых. – Серия: Филологические науки. – № 1. – М., 2001. – С. 11–16.
- Виноградов В. А., Коваль А. И., Пархомовский В. Я. Социолингвистическая типология. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 136 с.
- Домашнев А. И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах. – Л.: Наука, 1983. – 232 с.
- Жирмунский В. М. История немецкого языка. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1948. – 300 с.
- Зорина З. А., Смирнова А. А. О чем рассказали «говорящие» обезьяны: Способны ли высшие животные оперировать символами? – М.: Языки славянских культур, 2006. – 424 с.
- Зубов А. А. Стабильность и адекватность таксономической номенклатуры, относящейся к ранним стадиям эволюции рода Homo // Этнографическое обозрение. – 2010. – № 2. – С. 3–14.
- Келлер Р. Языковые изменения. О невидимой руке в языке. Пер. с нем. и вступ. ст. О. А. Костровой. – Самара: Изд-во СамГПУ, 1997. – С. 312.
- Мельников Г. П. Системная типология языков. Принципы, методы, модели // Отв. ред. Л. Г. Зубкова. – М.: Наука, 2003. – 395 с.
- Невзоров А. Г. Происхождение личности и интеллекта человека. Опыт обобщения данных классической нейрофизиологии. – СПб.: Анатомия и Физиология, 2012. – 544 с.
- Савельев С. В. Нищета мозга. – М.: ВЕДИ, 2014. – 192 с.
- Савельев С. В. Общество изгоняет умных // Harvard Business Review. – Май 2012. URL: <http://hbr-russia.ru/biznes-i-obshchestvo/fenomeny/a11262/>.
- Филичева Н. И. Немецкий литературный язык. – М.: Высшая школа, 1992. – 176 с.
- Семенюк Н. Н. Формирование литературных норм и типы кодификационных процессов // Языковая норма: типология нормализационных процессов. – М.: Институт языкознания РАН, 1996. – С. 23–44.
- Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.
- Deleuze G., Guattari F. Rhizom. – Berlin: Merve, 1977. – 65 s.

- Enard W., Przeworski M., Fisher S., Lai C., Wiebe V., Kitano T., Monaco A., Pääbo S. Molecular evolution of FOXP2, a gene involved in speech and language». Nature, 2002. – Vol. 418(6900). – P. 869–872.
- Ferrier D. The functions of the brain. – 2nd edition. – NY: Putnam, 1886. – 498 p.
- Heine B. Language policies in Africa // Herbert R.K. (ed.) Language and society in Africa. The theory and practice of sociolinguistics. – Johannesburg, 1992. – P. 23–35.
- Tokmashev D. M., Ilgin A., Tokmasheva D. D. Involuntary trends in contemporary Teleut? // Procedia – Social and Behavioral Sciences, 2015. – Vol. 206. – P. 62–66.
- Tucholsky K. Sprache ist eine Waffe. Sprachglossen. – Reinbek: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 1989, 192 S.

Источники примеров

- ИВПН – Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года в отношении демографических и социально-экономических характеристик отдельных национальностей. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html.
- Duden – Duden Online-Wörterbuch. Sprachwissen. Substantive auf -nis. URL: <http://www.duden.de/sprachwissen/sprachratgeber/substantive-auf-nis>.
- DWN – Polizei-Berichte aus Köln: Es war viel schlimmer als bisher bekannt // Deutsche Wirtschafts-Nachrichten: 07.01.2015. URL: <http://deutsche-wirtschafts-nachrichten.de/2016/01/07/polizei-berichte-aus-koeln-es-war-viel-schlimmer-als-bisher-bekannt/>.

Кобенко Ю. В., профессор, доктор филологических наук.

Национальный Исследовательский Томский политехнический университет.

Энергетический Институт, кафедра иностранного языка.

Пр. Ленина, 30. Томск, Россия, 634030.

E-mail: serpentis@list.ru

Статья поступила в редакцию 29.06.2016

Kobenko Yu. V.

LANGUAGE AND ENVIRONMENT: PROSPECT OF ENVIRONMENTAL APPROACH TO LANGUAGE STUDIES

The article displays the interconnection of language and habitat of homo under conditions of artificial selection; factors determining this interconnection are examined; advantages of environmental approach are emphasized and spheres of its potential implementation for language studies are proposed. The overriding prerequisite of the environmental determinism of language nature appears the fact, that outside their habitat human individuals easily do without language, which is considered an artificial product of cultural activity of man inside the human environment. Transferring language into the next generation occurs extragenomically – via environment mainly owing to ritualized everyday practice. Language is a non-recurrent and socially determined product of mankind, impossibly existing outside the habitat of homo or for only one person. The rhizome of language is developing nonlinearly, asymmetrically and acentrically.

Key words: *human language, speech, talking, homo loquens, language acquisition, environment, environmental approach.*

References

- Artykh E. A. Altaiskiy period v nauchnoy deyatel'nosti V.V. Radlova [Altaic period in V.V. Radlov's scientific activity]. – Barnaul, 2010. – 295 p. (in Russian)
- Dawkins R. Rasskaz predka. Palomничество k istokam zhizni [The ancestor's tale. A pilgrimage to the dawn of evolution]. – M., 2015. – 768 p. (in Russian)
- Deleuze G., Guattari F. Rhizom [Rhizome]. – Berlin, 1977. – 65 p.

- Domashnev A. I. Sovremennyy nemetskiy yazyk v ego natsionalnykh variantakh [Contemporary German in its national variants]. – L., 1983. 232 p. (in Russian)
- Enard W., Przeworski M., Fisher S., Lai C., Wiebe V., Kitano T., Monaco A., Pääbo S. Molecular evolution of FOXP2, a gene involved in speech and language» // Nature. – 2002. – Vol. 418(6900). – P. 869–872.
- Ferrier D. The functions of the brain. 2nd edition. – N.Y., 1886. – 498 p.
- Filicheva N. I. Nemetskiy literaturnyy yazyk [German literary language]. – M., 1992. – 176 p. (in Russian)
- Heine B. Language policies in Africa // Herbert R. K. (ed.) Language and society in Africa. The theory and practice of sociolinguistics. – Johannesburg, 1992. – P. 23–35.
- Keller R. Yazykovye izmeneniya. O nevidimoy ruke v yazyke [Language changes. About the invisible hand in a language]. – Samara, 1997. – 312 p. (in Russian)
- Melnikov G. P. Sistemnaya tipologiya yazykov. Printsipy, metody, modeli [Systematic typology of languages. Principles, methods, models]. – M., 2003. – 395 p. (in Russian)
- Nevzorov A. G. Proiskhozhdeniye lichnosti i intellekta cheloveka. Opyt obobshcheniya dannykh klassicheskoy neurofiziologii [The origin of human personality and intelligence. Empirical generalization of data of classical neurophysiology]. – Saint Petersburg, 2012. – 544 p. (in Russian)
- Savelyev S. V. Nishcheta mozga [Misery of the brain]. – M., 2014. – 192 p. (in Russian)
- Savelyev S. V. Obshchestvo izgonyaet umnykh [The society expels the intelligent] // Harvard Business Review. 2012. – URL:// <http://www.hbr-russia.ru/biznes-i-obshchestvo/fenomeny/a11262/>
- Semenyuk N. N. Formirovaniye literaturnykh norm i tipy kodifikatsionnykh protsessov [Forming literary norms and types of codification processes] // Yazykovaya norma: tipologiya normalizatsionnykh processov [Language norm: a typology of normalization processes]. – M., 1996. – P. 23–44. (in Russian)
- Shcherba L. V. Opyt obshchey teorii leksikografii [Empirical foundation of general theory of lexicography] // Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost' [Language system and oral activity]. – L., 1974. – 428 p. (in Russian)
- Tokmashev D. M., Ilgin A., Tokmasheva D. D. Involutionary trends in contemporary Teleut? // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2015. – Vol. 206. – P. 62–66.
- Tucholsky K. Sprache ist eine Waffe. Sprachglossen [Language is a weapon. Glosses]. – Reinbek, 1989, – 192 p.
- Vakhtin N. B. Usloviya yazykovogo sdviga [Conditions of a language shift] // Vestnik molodykh uchyonykh – Bulletin of young scientists. – Vol. 1. – M., 2001. – P. 11–16. (in Russian)
- Vinogradov V. A., Koval' A. I., Parkhomovskiy V. Ya. Sotsiolingvisticheskaya tipologiya [Sociolinguistic typology]. 2nd ed. – M., 2008. – 136 p. (in Russian)
- Zhirmunskiy V. M. Istoriya nemetskogo yazyka [The history of German language]. 3^d ed. – M., 1948. – 300 p. (in Russian)
- Zorina Z. A., Smirnova A. A. O chyom rasskazali govoryashchiye obezyany: Sposobny li vysshiye zhyvotnye operirivat' simbolami? [What did talking apes tell us: Are higher animals able to operate symbols]. – M., 2006. – 424 p. (in Russian)
- Zubov A. A. Stabilnost' i adekvatnost' taksonomicheskoy nomenklatury, otnosyayshcheysya k rannim stadiyam evolyutsii roda Homo [Stability and adequacy of taxonomic nomenclature concerning early evolutionary stages of Homo] // Etnograficheskoye obozreniye – Ethnographic review. – 2010. – Vol. 2. – P. 3–14. (in Russian)

Kobenko Yu. V.

National Research Tomsk Polytechnic University.

Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: serpentis@list.ru